

ЗАБЫТЫЕ... «НЕЗАБВЕННЫЕ ОБРАЗЫ!» (Два письма из альбома Галаховых)

Публикация Г. Н. Павловой

В июне 1991 года в фонды Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева поступил фотоальбом, в котором были помещены копии двадцати фотографий и двух писем из архива семьи Галаховых. Содержание и авторство этих писем весьма заинтересовали сотрудников музея.

Напомним, что после смерти И. С. Тургенева одной из его наследниц в России стала его дальняя родственница, племянница поэта А. А. Фета — Ольга Васильевна Галахова (урожд. Шеншина; 1858—1947). В 1906 году унаследованный ею дом И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове сторел. К счастью, семейная библиотека, рукописи, личные вещи писателя и мебель, вывезенные ранее из Спасского в Орел и имение Галаховых Клейменово, не пострадали.

Осенью 1918 года решением музейной коллегии Наркомпроса дом Галаховых в Орле, по улице Садовой, 10, был «со всеми тургеневскими вещами <...> назначен под музей И. С. Тургенева».¹ И 24 ноября к 100-летию со дня рождения великого русского писателя в Орле был открыт музей-читальня имени И. С. Тургенева. К сожалению, другого жилья взамен назначенного под музей дворянского особняка Галаховым предоставлено не было.

В состав их семьи в это время входило семь человек: Ольга Васильевна, ее муж Николай Павлович, незамужняя дочь Кира Николаевна и младшая дочь Ольга Николаевна с тремя детьми от ее второго брака. Оставшись без жилья и средств к существованию, они очень бедствовали. Ольга Николаевна скончалась в 1920-е годы от тифа в имении своих друзей в селе Сергиевском под Орлом. Ее родители, сестра и осиротевшие дети после долгих мытарств в 1924 году навсегда покинули Россию.

Остаток жизни О. В. и Н. П. Галаховы провели в «старческом доме» в парижском предместье Сент-Женевьев де Буа. Их дочь, Кира Николаевна Галахова (1886—1967), живя в Париже, зарабатывала на жизнь, учительствуя в школе госпожи Мещерской для обеспеченных детей. Внуки, получив хорошее образование, создав свои семьи, обосновались в разных странах Европы и США и лишь в конце 1970-х—начале 1980-х годов смогли приехать в Россию, посетить Орел, Спасское-Лутовиново, Клейменово.

С этого времени между потомками Галаховых и музеем И. С. Тургенева в Орле установились добрые дружеские отношения, их приезды в Россию стали более час-

¹ Кончин Е. В. Время собирать камни. Орел, 2001. С. 35.

тыми, фонды музея пополнялись материалами по истории этой семьи, связанной своей родословной с крупнейшими представителями русской культуры.

В 1990-е годы в России после долгого запрета вновь стали действующими многие церкви. Открыла свои двери и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1890 году О. В. и Н. П. Галаховыми на средства прихожан и пожертвователей в селе Клейменово (ныне Орловский район Орловской области). Находящаяся при ней усыпальница с могилами А. А. Фета и его супруги была приведена в надлежащий порядок. В Клейменово потянулся поток туристов — почитателей творчества замечательного поэта.

В июне 1991 года многочисленные потомки Галаховых присутствовали на церковной службе в клейменовской церкви, обретшей новую жизнь. Была среди них и дочь О. Н. Галаховой от первого брака Ольга Георгиевна Трубникова (в замужестве — баронесса фон Ден; 1910—1995), проживавшая в США. Это был ее первый и последний приезд в Россию после долгой разлуки. Во время этого приезда в подарок музею И. С. Тургенева Ольга Георгиевна передала копию семейного альбома, в котором, как уже было сказано, находились два письма, перепечатанных на машинке. Оба письма подписаны фамилией «Пороховщиков». Одно из них — от 22 июня 1945 года, адресовано, очевидно, в Нью-Йорк непосредственно О. Г. фон Ден, второе — от 28 января 1948 года, было направлено во Францию К. Н. Галаховой с выражением соболезнования по случаю смерти ее матери. Письма содержат тонкие, лиричные характеристики О. В. и Н. П. Галаховых и их близких, оригинальный отзыв о творчестве И. С. Тургенева и ностальгические воспоминания об Орле.

Долгое время не представлялось возможным установить имя и род занятий автора этих писем — Пороховщикова. За помощью сотрудники музея даже обращались к известному в России представителю рода Пороховщиковых — актеру и режиссеру А. Ш. Пороховщикову. Были собраны обширные материалы о представителях этой фамилии, начало которой в России положил магометанин Али (турок или албанец), прибывший в Россию берейтором с турецким послом в начале XIX века. Али оставил свою семью, перешел на службу к русскому царю, принял христианство, получив при крещении имя Александр, вступил во второй брак с русской женщиной, от которой имел детей и, скончавшись при дворе императора Николая I в 1827 году в Москве, был погребен на кладбище Донского монастыря. «Иван Александрович был передан в Петербургский императорский театр. У него открылись таланты, и он 18 лет был выпущен на сцену. Актер, музыкант-танцмейстер, он в то же время записан был в кавалерийский полк, и бывши при театре, получил чин военный».²

Среди потомков Али — прадед актера, выпускник орловского Бахтина кадетского корпуса Александр Александрович Пороховщиков (1834—1918), гвардейский офицер, отставной капитан лейб-гвардии Семеновского полка, издатель, публицист. Он также «известен был в Москве как строитель, выработавший особый архитектурный Пороховщиковский стиль»,³ ярким образцом которого стал построенный им в 1870-е годы в Москве гостиничный комплекс «Славянский базар».

Его сын, Александр Александрович Пороховщиков (1892—1943), дед актера, талантливый конструктор, создатель первого в мире танка, первых понтонных мостов, еще до революции на собственном колесном заводе наладил первое в России серийное производство военных самолетов и сам принимал участие в их испытаниях. После революции Александр Александрович возглавлял работу одного из конструкторских бюро. Во время Великой Отечественной войны он был репрессирован и расстрелян.

² Ницус С. А. Святыня под спудом. М.; СПб., 2000. С. 73.

³ Кулябка К. Ф. Воспоминания старого орловца // *РСт*. 1908. Август. С. 379.

О судьбе деда, о судьбе своей семьи А. Ш. Пороховщиков рассказывал в фильме «Цензура к памяти не допускаю», получившем в 1992 году на кинофестивале «Кинотавр» в городе Сочи главный приз прокатчиков кино и приз зрительского жюри «За исповедальность». После показа этого фильма на Первом фестивале русского кино в Сан-Рафаэле (Франция) Александр Шалвович окончательно убедился в том, что «Пороховщички живут по всему миру». Растерявшие друг друга за годы революции, войн и репрессий, они звонили и писали автору фильма со всех концов земного шара в надежде собрать воедино веточки своего родословного дерева.

Буквально по крупицам нам удалось собрать материалы к биографии двоюродного брата деда актера — прокурора Орловского окружного суда Петра Сергеевича Пороховщикова, жившего в Орле в интересующие нас 1900-е годы. Есть основания именно его считать автором ниже публикуемых писем: он, как и автор писем, в течение двух лет (1901—1902) жил в Орле, по долгу службы был, очевидно, знаком с Н. П. Галаховым, который длительное время, включая эти годы, избирался почетным мировым судьей по Мценскому участку Орловского окружного суда. К тому же, как удалось установить по материалам Госархива Орловской области, а также по «Памятным книжкам Российской империи», других Пороховщичковых в 1900-е годы в Орле не было.

Петр Сергеевич Пороховщиков родился в 1867 году в Санкт-Петербурге. Его отец, Сергей Александрович Пороховщиков (ум. в 1888), был директором Сибирского кадетского корпуса в Омске. Его мать, Надежда Петровна, урожденная Чайковская (род. после 1841), приходилась двоюродной сестрой П. И. Чайковскому. Имя Петр в семье Чайковских переходило из поколения в поколение. Как известно, после смерти в 1854 году матери композитора, его отец Илья Петрович и дядя Петр Петрович Чайковские жили общим домом в Петербурге, вместе воспитывали своих детей. В одном из писем летом 1856 года юный ученик Императорского училища правоведения Петр Чайковский сообщил: «Теперь мы живем с нашим дядей, старшим братом отца, мои кузины восхитительные существа». ⁴ Совместная жизнь с семьей дяди положила начало дружбе П. И. Чайковского с двоюродными сестрами: Анной Петровной (в замужестве Мерклинг), Лидией Петровной (в замужестве Генке) и Надеждой Петровной — женой генерала С. А. Пороховщикова. В январе 1876 года композитор прожил около двух недель в Петербурге в ожидании премьеры своей Третьей симфонии и, описывая брату свое времяпрепровождение, в частности, сообщал, что субботний вечер он провел у А. Н. Апухтина, а в воскресенье днем навестил Н. П. и С. А. Пороховщичковых. ⁵ Так что одиннадцатилетний племянник-тезка вполне мог запомнить эту встречу родственников.

Учился Петр Сергеевич в Лицее цесаревича Николая, после чего поступил на юридический факультет Московского университета. «С декабря 1889 года в течение года служил по ведомству Министерства юстиции кандидатом на судебные должности, а потом был определен на место „и. д. помощника секретаря при прокуроре Московской судебной палаты“. Несколько лет Пороховщиков состоял на различных канцелярских должностях — старшего помощника делопроизводителя государственной канцелярии, младшего делопроизводителя, члена хозяйственного комитета канцелярии. Первый самостоятельный пост П. С. Пороховщикова получил в августе 1894 года, когда его назначили товарищем прокурора Смоленского окружного суда. Через год способного и хорошо проявившего себя на службе П. С. Пороховщикова перевели товарищем прокурора Московского окружного су-

⁴ Чайковский П. И. Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1959. Т. 5. С. 59. Там же в письме от 7 мая 1874 г. к А. П. Мерклинг П. И. Чайковский пишет: «Поцелуй от меня Лиду и Надю, их детей и супругов» (С. 353).

⁵ Чайковский П. И. Письма к близким. Избранное. М., 1955. С. 103.

да».⁶ В Орел прокурор Пороховщиков был переведен из Кашинского окружного суда, а через два года продолжил службу в той же должности в Харькове.

Самым громким судебным процессом, проведенным Пороховщико­вым в Орле, было «Дело о поджоге с целью получения страхового вознаграждения». По нему обвинялись трое соучастников: калужский дворянин В. Дурново и орловцы, жители улицы Новосильской Н. Сарычев и И. Лобанов, в ходе расследования было опрошено более 60 свидетелей, приняты во внимание мнения трех адвокатов, трех врачей-психиатров (в том числе — известного П. И. Якоби). Следствие длилось почти полгода, дело слушалось несколько дней и привлекло внимание огромной части населения города и местной печати: газета «Орловский вестник» опубликовала обширную информацию об этой ловкой афере в четырех апрельских номерах за 1902 год.

Суть происшествия заключалась в следующем: изгнанный отцом из дома за любовь к актрисе орловского театра, без средств к существованию, В. Дурново по наущению и при содействии конторщика трамвайного депо Ивана Лобанова решил разбогатеть, придав огню застрахованное имущество. Так как своего имущества у него не было, он вместе с Иваном Лобановым в течение нескольких дней перенес в свою квартиру взятые напрокат в орловских магазинах и временно у жены Лобанова мебель, пианино, лисий салоп и прочие дорогие вещи, вызвал страхового агента для оформления страховки, а затем вернул вещи и, договорившись с хозяином квартиры Николаем Сарычевым, старый дом которого уже был застрахован на личную сумму, сжег и дом, и «имущество».

Произнося обвинительную речь, прокурор П. С. Пороховщиков говорил, что «он редко чувствовал себя в более затруднительном положении, чем в настоящем деле, где ему приходится идти ощупью без уверенности дойти до конца». Для Петра Сергеевича важно было выиграть этот процесс, так как он справедливо полагал, что «если Сарычев и Лобанов выйдут из зала суда „честными и почетными гражданами“, то года через два мы опять, наверное, будем судить их за поджог», а «гореть в наши дни станет самое выгодное и прелюбезное дело».⁷ К сожалению, следственные документы и приговор в архиве не сохранились, а из публикаций «Орловского вестника» известно, что основная тяжесть обвинения легла на автора идеи, запасного унтер-офицера Ивана Лобанова, который, как выяснилось во время следствия, ранее уже дважды использовал такой способ обогащения.

Это событие, возможно, было бы малоинтересно в историко-краеведческом плане, если бы оно не способствовало правильному пониманию обстановки 1900-х годов, сложившейся в Орле. Думается, что всеобщей подозрительностью, возникшей после этого нашумевшего в городе скандала, в некоторой степени можно объяснить те упреки и обвинения, которые обрушились в первую очередь на Н. П. Галахова после пожара, случившегося в Спасском в ночь с 19 на 20 января 1906 года и уничтожившего дом И. С. Тургенева. Орловские газеты и позже писали, что новые владельцы Спасского сознательно подожгли дом, застрахованный на личную сумму. Одна из публикаций 1928 года, обвинявшая Галахова, так и называлась — «Орловский Герострат».⁸ Она носила еще более обидный характер в силу того, что О. В. и Н. П. Галаховы в 1928 году не могли высказаться в свое оправдание ни устно, ни в печати, не могли напомнить своим обвинителям о хлопотах по сохранению и передаче тургеневских и фетовских реликвий советскому государству.

В историю юриспруденции П. С. Пороховщиков вошел как выдающийся теоретик судебного красноречия и один из самых просвещенных юристов своего време-

⁶ Черкашина Е. Предисловие // Сергеев П. <Пороховщиков П. С.> Искусство речи на суде. М., 1988. С. 6.

⁷ Орловский вестник. 1902. № 112, 113, 115, 116. Апрель—май.

⁸ Лебедев И. Орловский Герострат // Орловская правда. 1928. 20 сентября. № 219. (ОГЛИТ. 4953 нф.).

ни. Он стал автором многочисленных статей, большинство из которых публиковалось в специальном издании «Право» в 1900-е годы. Свои печатные работы Пороховщиков часто подписывал псевдонимом «П. Сергеич». В 1908 году в Санкт-Петербурге вышла его первая книга «Уголовная защита», содержащая ряд важных советов начинающим адвокатам о том, как овладеть навыками полемики и произнести убедительную речь на суде. Вслед за ней в 1910 году П. С. Пороховщиков издает объемный труд «Искусство речи на суде», цель которого научить строить свою речь логично, ярко и убедительно. Несмотря на то, что книга была предназначена прежде всего прокурорам и адвокатам, она вызвала интерес читающей публики.

Высокую оценку книге дал выдающийся русский судебный деятель, яркий оратор А. Ф. Кони (1844—1927). В своей статье, также названной «Искусство речи на суде», он писал: «Книга П. С. Пороховщикова — полное, подробное и богатое эрудицией и примерами исследование о существе и проявлениях искусства речи на суде. В авторе попеременно сменяют друг друга восприимчивый и чуткий наблюдатель, тонкий психолог, просвещенный юрист, а по временам и поэт, благодаря чему эта серьезная книга изобилует живыми бытовыми сценами и лирическими местами, вплетенными в строго научную канву».⁹

В 1913 году Российская Академия наук присудила П. С. Пороховщикову почетную Пушкинскую премию (500 рублей) за книгу «Искусство речи на суде» (СПб., 1910), вторая половина премии досталась П. Е. Щеголеву за книгу «Пушкин. Очерки» (СПб., 1912). Много лет спустя, в начале нового, XXI века, подобную награду — Пушкинскую медаль российской словесности, присуждаемую среди русской эмиграции, получил двоюродный внук Пороховщикова, профессор, доктор философии, французский писатель Владимир Волкофф, произведения которого почти неизвестны в России.

Книга П. С. Пороховщикова, состоящая из 9 глав, богата цитатами из произведений русских и зарубежных классиков, древних философов, историков и политических деятелей. В ней неоднократно приводятся примеры из судебных речей знаменитых русских юристов С. А. Андреевского и А. Ф. Кони. Поистине современно звучат слова Пороховщикова, призывающего своих читателей «уметь говорить»: «...мы не умеем и не учимся, а разучиваемся; в школьные годы мы говорим и пишем правильное, чем в зрелом возрасте. Доказательства этого изобилуют в любом из видов современной русской речи: в обыкновенном разговоре, в изящной словесности, в печати, в политических речах. Наши отцы и деды говорили чистым русским языком, без грубостей и без ненужной изысканности <...>». Автор с горечью замечает, что «в наше время, в так называемом обществе, среди людей, получивших высшее образование, точнее сказать, высший диплом, читающих толстые журналы, знакомых с <...> языками» можно услышать массу неблагозвучных слов и неграмотных выражений.¹⁰

Говоря о богатстве русского языка, Пороховщиков неоднократно обращается к творчеству и имени Пушкина: «У нас многие не прочь похвалиться тем, что не любят стихов. Если бы спросить, много ли стихов они читали, то окажется, что они не равнодушны к поэзии, а просто не знакомы с нею. <...> Откройте наудачу Пушкина и прочтите вслух первый попавшийся стих в кружке знакомых: немногие узнают и скажут все стихотворение. Мы, однако, обязаны знать Пушкина наизусть; любим мы поэзию или нет; это все равно; обязаны для того, чтобы знать родной язык во всем его изобилии».¹¹

Пороховщиков пишет, что произносимая в суде речь должна быть не только грамотной, логичной, пристойной, не засоренной иностранными словами, но и благозвучной: «Красота звука отдельных слов и выражений имеет, конечно, второ-

⁹ Кони А. Ф. Искусство речи на суде // *Сергеич П. Искусство речи на суде*. С. 338.

¹⁰ *Сергеич П. Искусство речи на суде*. С. 14.

¹¹ Там же. С. 25—26.

степенное значение в живой, нервной судебной речи. Но из этого не следует, что ею должно пренебрегать. <...> а чтобы судить, как значительны для слуха могут быть даже отдельные слова, вспомним одну строфу из Фета:

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня из списка бытия,
Но пред моим судом, откуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжеству ю.

Нельзя не видеть, как много выигрывает мысль не только от смысла, но и от звучания глагола „сотрешь”. Скажите „снесешь” и сила теряется.¹²

Предпоследняя, восьмая глава книги называется «О пафосе». В ней Петр Сергеевич говорит о праве произносящего судебную речь воздействовать на естественные чувства судей и присяжных и называет основные условия истинного пафоса: искренность и простота. «Искреннее волнение естественно передается простыми словами. <...> возьмите Тургенева и перечтите последнюю сцену на могиле Базарова»,¹³ — советует автор, отсылая своих читателей к роману «Отцы и дети».

Несмотря на множество писательских имен и цитат, использованных в работе, ощущается особый интерес П. С. Пороховщикова к творчеству Шекспира. Он обращается к таким произведениям, как «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Генрих IV», «Юлий Цезарь» и др. Эпиграфом к книге также являются слова одного из персонажей трагедии «Гамлет» — Полония, обращенные к его сыну Лаэрту:

Но главное: будь верен сам себе;
Тогда как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим.¹⁴

Мы приводим эти слова в переводе М. Лозинского, тогда как Пороховщикова дает их на английском языке. Петр Сергеевич свободно владел английским. Знал он и другие языки. В 1906—1908 годах его переводы с немецкого диалогов Шопенгауэра «О религии» вызвали недовольство властей, но были горячо одобрены Л. Н. Толстым, которому Пороховщикова послал в Ясную Поляну экземпляр отпечатанной, но запрещенной к продаже книги. Судьба распорядилась так, что после 1917 года английский язык стал для него необходимым.

К сожалению, мы мало знаем о жизни и деятельности П. С. Пороховщикова в эмиграции. Известно, что он жил в США.¹⁵ Его имя упоминается в списке русских ученых, преподававших в американских ВУЗах в 1920-х — 1930-х годах: «В США, по опубликованным данным, в начале 30-х годов насчитывалось до 200 русских ученых. После Октябрьской революции в Америке оказались: М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, Л. И. Страховский, П. С. Пороховщикова, Н. Н. Мартинович, А. И. Назаров, Д. Н. Федотов-Уайт, А. Л. Фовицкий, Г. В. Лантцев, С. Г. Елисеев, А. Г. Мазур, С. А. Корф, М. З. Винокуров, Р. Н. Родионов и др.»¹⁶ П. С. Пороховщикова преподавал историю в Огелторпском университете (г. Атланта, штат Джорджия), в 1928—1929 годах он был также «выездным лектором» Института междуна-

¹² Там же. С. 41. Автор цитирует четверостишие из элегии А. А. Фета «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...») (1884).

¹³ Там же. С. 277.

¹⁴ Там же. С. 13, 353.

¹⁵ Огромную помощь музею в собирании материалов о жизни П. С. Пороховщикова в США оказал проживающий в г. Нью-Фэрфильде, штат Коннектикут, Константин Владимирович Гальский, сын поэта-орловца В. Л. Гальского (1908—1961).

¹⁶ Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2002. С. 34.

родного образования в Нью-Йорке. Именно в этот период у Петра Сергеевича появилась возможность заняться изучением биографии и творчества самого великого и загадочного английского писателя XVI века — Уильяма Шекспира. Пороховщиков был одним из тех, кто вот уже более 200 лет пытается ответить на так называемый «шекспировский вопрос»: существовал ли Шекспир и кто это такой. Как известно, на этот вопрос существует более 50 версий ответа. Книга Пороховщикова, которая так и называется «Шекспир без маски», поддерживает версию о том, что произведения Шекспира были созданы пятым графом Ретлендом Роджером Мэннерсом. Она вышла в свет на английском языке в 1940 году в одном из зарубежных издательств, а в 1955 году была переиздана в Лондоне. В России о ней знает лишь узкий круг шекспироведов.

«Искусству речи на суде» повезло больше. Книга переиздавалась в России в 1960, 1988, 1998 и 2000 годах и всегда с неизменным успехом. Умер П. С. Пороховщиков, предположительно, в 1950-е годы, в Сан-Франциско, откуда, очевидно, и были написаны публикуемые письма, которые позволяют нам не только почувствовать атмосферу старого Орла, но и открыть для себя интересную страницу русской культуры, воссоздать «незабвенные образы» и самого автора, и супругов Галаховых, которые поистине были «вместе воплощение родового благородства <...> и духовного изящества».

Начало письма Пороховщикова к О. Г. фон Ден свидетельствует о том, что в условиях эмиграции Петр Сергеевич по-прежнему обращал внимание на чистоту русского языка. Он был в числе тех, кто заботился об образовании русской молодежи, оказавшейся вне России. Первые строчки этого письма как бы являются продолжением мыслей, высказанных им в разделе «Чистота слога» книги «Искусство речи на суде»: «Во многих случаях для известного понятия у нас вместо одного иностранного есть несколько русских слов, и тем не менее все они вытесняются из употребления неуклюжими галицизмами». ¹⁷ Общность стилистики текстов писем и книги служит дополнительным аргументом в пользу нашего предположения, что автором публикуемых писем действительно является Петр Сергеевич Пороховщиков.

Оба письма отпечатаны на машинке по старой орфографии. При публикации использованы современная орфография и пунктуация. Публикуя эти письма, мы не ставим точку в изучении судеб упомянутых нами людей и надеемся на продолжение разговора о дружеских и родственных связях представителей замечательных русских родов — Галаховых, Пороховщиковых и других.

1

П. С. Пороховщиков — О. Г. фон Ден¹

22 июня <19>45.

Дорогая моя Олечка!

Как мне иначе называть Вас, когда я матушку Вашу иначе как Олечкой² никогда не называл?

Прежде всего, Вы отлично пишете по-русски. И притом чистым русским языком. А наши зарубежники пишут просто помоями из галицизмов. Сколь было Вам лет, когда уехали из России?³

Сообщите адрес тетушки Киры Николаевны.

¹⁷ Сергеев П. Искусство речи на суде. С. 19.

Обрадовали меня, сообщив, что и бабушка Ваша здоровствует, слава Богу.

Стишонки, Вам мною посланные, написаны не дяденькой Вашим, а собственно мною. В. П. Мятлев,⁴ на свадьбе Олечки, Вашей матушки, написал — он сидел за обедом рядом с Кирой Галаховой и Кирой Блохиной:⁵

Когда сижу я рядом с Кирой,
И Киру вижу пред собой...

Дальше не помню. А вот что помню, и что написано действительно Мятлевым:

Из Орла вечерней мглою
Ваш отец вернулся в дом
С черным греком Магулою,
Хорошо, что не с жидом.

Под бровями нос картошкой
И бородка, как игла,
Ростом мал, на тонких ножках,
Вот художник Магула.

Карандашик держит в ручках,
Мажет, мажет без конца,
Но выходит месяц в тучках
Вместо вашего лица.

Повидавшись с Магулою,
Вы свели его с ума.
С ним пойдете к аналою,
Если так велит Мама.

Но еще до этой свадьбы,
Если б дали мне метлу,
Я бы выгнал из усадьбы
Господина Магулу.

Чья же Вы дочь? Свойство Ваше с Мятлевым мне ясно.⁶ В Париже, во время гражданской войны, я виделся с Вырубовым,⁷ в Орле на свадьбе помню Юрия Александровича Трубникова и Олечку⁸ под венцом с ним. Имени и отчества второго мужа Вашей матушки не помню.

Очень понимаю Ваше отчуждение или отчужденность с американцами. Хорошо, очень много и щедро помогают и нашим русским повсюду во всякой беде. У меня здесь много истинных друзей между ними, но мы и они так глубоко различны, что остаемся чужими, даже при искренней дружбе.

Я живу у моей племянницы и воспитанницы Натальи Алексеевны Дэвисон.⁹ Ее муж, врач, служил два года в американском Красном Кресте в Сибири, где они и повенчались. В Орле Наташе было 5—6 лет. Она чуть помнит и Киру Николаевну и Олечку.

Скажите про Вашего мужа.¹⁰ Понимаю, что у Вас нет детей?

Не думаю, что приеду в Н. Йорк в скором времени, хотя у меня там много близких друзей. Дорого, не по средствам.

Передайте мой поклон Вашему мужу. Целую Ваши ручки.

Преданный Вам

Пороховщиков.

¹ *ОГЛИТ*. 31308 оф. Автор публикации выражает благодарность заведующей музеем писателей-орловцев Л. М. Маричевой и историку-краеведу Е. Н. Ашихминой за помощь в подготовке этих писем к печати.

² *Галахова Ольга Николаевна* (28.07.1888—11.06.1921), в первом браке — Трубникова (имела двоих детей: Александра и Ольгу), во втором браке — Вырубова (имела троих детей: Ирину, Василия и Николая).

³ В 1911 г. первый брак О. Н. Галаховой с Г. А. Трубниковым распался. Дети, родившиеся в этом браке, Александр и Ольга Трубниковы, остались в семье отца и были вывезены родственниками за границу до 1914 г.

⁴ *Мятлев Владимир Петрович* (1868—1946), поэт, автор нескольких книг стихотворений. В орловской областной библиотеке им. И. А. Бунина сохранились две его книги: «Кошмары» (Т. 6. Орел, 1910) и «Портрет маркизы» (Поэма в лицах и стихах, посвященная графине О. В. Беннигсен ... Орел, 1910). Подборка его стихов опубликована также в Литературном сборнике под ред. П. Михеева «Орловцы жертвам войны», изданном в орловской типографии губернского правления в 1915 г. «На усиление средств Дамского комитета» (С. 70—78). Умер Мятлев во Франции, предположительно в Каннах. Относительно года его смерти имеются разночтения. В некоторых источниках указано: умер после 1933 г., так как в 1933 г. был издан последний сборник его стихотворений.

⁵ Лицо неустановленное. Возможно, родственница С. А. Блохина — секретаря земской управы, редактора «Трудов Орловской ученой архивной комиссии».

⁶ Поэт В. П. Мятлев, внук поэта И. П. Мятлева (1796—1844), автора широко известного стихотворения «Как хороши, как свежи были розы». Родство Галаховых и Мятлевых имеет более глубокие корни, так как родная сестра И. П. Мятлева Софья Петровна (в замужестве Галахова) была родной бабушкой Н. П. Галахова. Имени В. П. и Н. С. Мятлевых находилось в селе Старое Горохово Орловского уезда Орловской губернии, в местах, где родился Н. С. Лесков. Господский деревянный двухэтажный дом в Старом Горохово, занятый после революции под волисполком, сгорел в 1922 г. (См.: *ГАОО*. Р-476. Оп. 1. Ед. хр. 250. Переписка с землемерами Орловского уезда о национализированных садах и огородах. 1922 г.).

⁷ *Вырубов Василий Васильевич* (1879—1963), второй муж О. Н. Галаховой. Во время Первой мировой войны в 1914—1915 гг. воевал на Западном фронте, в 1917 г. вступил во Временное правительство, был товарищем министра внутренних дел Г. Е. Львова. С 1918 г. жил в Париже, был активным деятелем Земгора.

⁸ *Трубников Георгий* (Юрий) *Александрович* (18.08.1884—1924), первый муж «Олечки» — О. Н. Галаховой, сын орловского губернатора 1894—1901 гг. А. Н. Трубникова.

⁹ *Наталья Алексеевна Дэвисон* (урожд. Беклемишева), очевидно, дочь двоюродной сестры П. С. Пороховщикова — Веры Александровны Беклемишевой (урожд. Пороховщиковой). На попечении В. А. Беклемишевой в 1890-е гг. некоторое время находились дети ее сестры Ольги Александровны Симанской (1857—1920), в их числе был и Сергей Владимирович Симанский (1877—1970), будущий патриарх Московский и всея Руси Алексий I (1945—1970). О дальнейшей судьбе В. А. Беклемишевой пока ничего неизвестно. В своем письме в музей от 29 мая 2008 г. К. В. Гальской сообщал: «Наталья Алексеевна Дэвисон жила в 1962 году в городе Атланта, штат Джорджия (адрес: 4047 Tuxedo Road, Atlanta, Georgia). Ее сын Алексей (родился в 1931 г.) был врачом и с мая 1961 г. по май 1963 г. в чине капитана военно-воздушных сил США занимал должность помощника военно-воздушного атташе в посольстве США в Москве и был врачом для всех по-

сольских нужд. В 1962 он обследовал Марину Освальд в связи с ее эмиграцией совместно с Ли Харви Освальдом из СССР в США. Во время обследования он дал адрес матери Освальдам и сказал, что если они по пути в Даллас, штат Техас, будут проездом через Атланту, то всегда найдут радушный прием у его матери. Освальды, судя по всей доступной информации, не воспользовались этим предложением, согласно данным Комиссии Варрена, расследовавшей позже убийство Кеннеди и нашедшей этот адрес в записной книжке Освальда. Сам Алексей Дэвисон должен был покинуть СССР в мае 1963 г., после того как был объявлен *persona non grata* (в декабре 1962 г.) в связи с шпионским делом полковника Олега Пеньковского. Все исследования сходятся к тому, что тогдашний резидент ЦРУ в Москве использовал Дэвисона как своего рода связного между Пеньковским и ЦРУ. Все исследователи склоняются к тому, что Дэвисон не был полноценным сотрудником ЦРУ, а что ЦРУ использовало его одноразово...

В университете Эмори, в Атланте, хранится архив мужа Наталии Алексеевны, врача Гал МакКлуней Дэвисона (Hal McCluney Davison). Архив содержит материалы с 1911 по 1958 гг. (год смерти Гала Дэвисона). В Интернете есть опись архива; особого внимания заслуживает пометка „Паспорт дяди Пети в рамке” (Uncle Peter’s framed passport). У меня очень сильное подозрение, что „дядя Петя” никто другой, как Пороховщиков (никто из американцев своего паспорта в рамку не вставляет; это должен был быть какой-то особый паспорт — может, это даже и не паспорт, а диплом из Училища Правоведения; я такие дипломы видел, и они действительно просятся в рамку). Есть несколько папок с материалами и фотографиями, связанными с работой Г. Дэвисона в Томске и Сибири, вначале как американского военного врача с 17-ым Эвакуационным полевым госпиталем, а затем как врача с международным отделом американского Красного Креста. Вернувшись в Штаты, Дэвисон занимал довольно крупное положение в медицинских кругах Атланты — преподавал в трех или более университетах, состоял врачом-консультантом в пяти госпиталях Атланты).

¹⁰ Сведениями о супруге О. Г. Трубниковой бароне фон Дене музей не располагает. Возможно, он является родственником капитана (с 1916 г.) военного крейсера «Варяг» Карла Иоакима фон Дена, выходяца из прибалтийских немцев, жившего после революции в эмиграции. Известно, что об отречении русского царя от престола команда «Варяга» узнала в Ливерпуле, после чего половина ее вернулась в Россию, а оставшиеся были приглашены в Америку для строительства новых судов.

2

П. С. Пороховщиков — К. Н. Галаховой

28 января <19>48.

Дорогой друг Кира Николаевна.

Олечка фон Ден сообщила мне о кончине Ольги Васильевны.¹ Примите мое почтительное глубокое сочувствие. Сколько нежных восхитительных воспоминаний связано с ее именем! Как и с именем очаровательного Николая Павловича.² Ведь они были вместе воплощением родового благородства и светского и духовного изящества — той исключительной среды, в которой выросли Вы и покойная столь же прелестная наша Олечка, Ваша сестра. Как легко и просто проявлялась эта изысканная обаятельность! Они были такими, какими родились и воспитались. А тетушка Ваша Мария Павловна!³ Она была больше богиня, чем женщина.

Мне ясно помнится Ваш рассказ о ее смерти в тюрьме. Была царица и встретила смерть в царском величии. Да, у таких людей можно было

учиться, как надо жить и как должно умереть. И это учение шло от них само собой. Они не думали о нем и наверное не сознавали всей своей красоты и своего влияния на других. Недаром Орел был в самом сердце России.

Воспоминания об Орле переносят меня в особый мир, исключительный и несравненный. Время, там прожитое, — одно из лучших в целой моей жизни.

И знаете, что удивительно и замечательно? Тургенев был орловский помещик, полжизни прожил в своей родной губернии, имел самый тонкий талант писателя художника. И напрасно стали бы мы искать в его страницах верного изображения того исключительного, изысканного общества, к которому он принадлежал и мог наблюдать в течение всей своей жизни.

Он был поколением старше, может быть, двумя поколениями. В умственном брожении, в отражении общественных перемен и настроений должна была быть и была действительная разница между ними и теми, которые были за ними. Но в настоящей воспитанности, в той тонкой изысканности, между старшими и младшими резкой грани между ними не было. А как бледны, бесцветны люди в его книгах по сравнению с Вашим отцом, Вашей матушкой, их друзьями! Я не говорю о повести «Отцы и дети». Это почти гениальное произведение. Но помимо этой повести, я отдал бы все им написанное за правдивую картинку той жизни, что я видел и в которой имел счастье прожить два года и... немножко, а может быть совсем не немножко влюбиться в Вас.

Милое, милое, родное время, очаровательные, незабвенные образы!

Крепко обнимаю Вас и целую Ваши ручки.

Моя племянница Наташа просит Вас принять ее горячее, сердечное сочувствие Вашему горю.

Всею душою преданный Вам

Пороховщиков.

¹ Речь идет о кончине О. В. Галаховой в «старческом доме» в Сент-Женевьев де Буа.

² *Галахов Николай Павлович* (1855—1936), из дворян Новгородской губернии, действительный статский советник, камергер. Службу начал в 1874 г. рядовым Семеновского полка. В 1877—1878 гг. подпоручиком участвовал в русско-турецкой военной кампании на Балканах. За «отличие в делах против турок» был награжден орденами Св. Анны 4-й и 3-й степеней и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и др. В 1882 г. женился на О. В. Шеншиной. В 1884 г. вышел в отставку в чине поручика, переехал с семьей на постоянное место жительства в Орловскую губернию. Был активным общественным и земским деятелем. С сентября 1884 г. в течение многих лет избирался почетным мировым судьей по Мценскому участку Орловского окружного суда, был гласным уездного земства, уездным предводителем дворянства. С 1908 по 1915 гг. — орловский вице-губернатор, в 1915 г. был назначен губернатором Витебской губернии (*ГАОО*. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 31. 1892 г.).

³ *Галахова Мария Павловна* (в замужестве — Шениг), сестра Н. П. Галахова, жена орловского губернского предводителя дворянства 1887—1895 гг. С. Н. Шенига. Как явствует из этого письма, была расстреляна в 1920-е гг.